

Что Лун Сяюань, что Сюй Ю пребывали не в лучшем расположении духа. Раз они взялись за вино ради того, чтобы напиться, то, в конце концов, изрядно захмелели. И если император еще немного соображал, то вот здравомыслие парнишки попрощалось до утра. Допив кувшин виноградной сладости, он отбросил несчастную тару и упал в объятия названного брата.

— Старший, как думаешь, почему он еще не пришел? Как может взрослый мужчина не совладать с собственными родителями?

Язык монарха давно онемел. Крохи сознания не справлялись с возложенной задачей поддержания разговора, оставляя Сяюаня похожим на величественную, чуть покачивающуюся статую. С трудом фокусируя взгляд на собутыльнике, император вовремя заметил, что тот стал крениться набок и поспешил поддержать.

— Не переживай о нем... — подобрав слова утешения, вяло начал Сяюань. — Не волнуйся, старший брат обязательно за тебя отомстит.

— Отомстишь? — поднимая голову, моргнул Сюй Ю, пытаясь сопоставить факты. — Как? Убьешь его родителей? Но разве тогда он меня не возненавидит?

— Ну... — Сяюань шумно вздохнул и медленно моргнул, собирая мысли. Если бы любовник осмелился убить его родителей, от любви бы не осталось и части. Ее заменила бы ненависть.

После мерзкой отрыжки император повел плечом и кивнул:

— Тогда брат не сможет за тебя отомстить...

— И что же тогда делать... — повесил голову Сюй Ю.

Император притих. Признаться, он понятия не имел, как утешить друга. Дело усложняло желание поспать. Хорошо расслабившись, Сяюань почувствовал себя уставшим, вымотанным и захотел прилечь.

Юный пьяница ни в какую не отпускал руку мужчины:

— Старший, мне так грустно... давай выпьем еще?

— Нет, — покачал головой монарх. — Хватит пить. Пора спать. Я очень хочу спать.

— Спать? — медленно моргнул Сюй Ю. — Хорошо, пойдём спать.

Сяюань и не думал, что делает что-то дурное, неправильное. В эпоху современности хорошие

братья, друзья всегда поддерживают друг друга, выслушивают обиды, вместе выпивают, а потом заваливаются вместе спать, чтобы наутро встать без тянущей вниз эмоциональной боли. Это ведь называется моральной поддержкой, так?

Изрядно пьяный император, покачиваясь, встал из-за стола и, наперевес с собутыльником, направился к собственным покоям. Охваченный желанием немедленно опустить голову на подушку, мужчина не заметил горящих взглядов многочисленных евнухов и дворцовых дам, что последовали за ним и «важным» гостем. Предусмотрительно идущие поодаль от монаршей особы, они не слышали разговора меж товарищами по несчастью. В их глазах ситуация представилась следующей: сперва великий император провел радостный вечер в компании вина и предполагаемой наложницы, после чего с полчаса обнимался с парнишкой, а теперь повел его в свои покои.

Именно так! Лун Сяююань повел господина Сюй в собственную спальню, в которую переехал с тех пор, как императрица отправилась на границу.

Лишь сам монарх не видел в этом ничего предосудительного. Он ведь просто устал и теперь хочет отдохнуть. Куда же еще, черт возьми, ему идти. Что касается самого предмета волнений, то он был слишком пьян, чтобы самостоятельно принимать решения и инстинктивно пошел за тем, кому доверяет.

В итоге, только для двух участников клуба тоскующих сердец этот вечер ничем не выделился из череды других, для остальных же...

По пути пьяницам повстречались другие слуги: спующие с поручениями евнухи, личные горничные наложниц, дежурная стража — словом, новость о том, что император и некто господин Сюй вместе отправились в спальню, разлетелась по запретному городу быстрее, чем искра воспламеняет поле сушняка. Если изначально слух о том, что новое домашнее животное может стать постоянным членом гарема, ходила только меж ревнивых наложниц, то теперь наговор превратился в факт.

А как иначе? Они ведь собрались провести вместе ночь! И кому из жителей дворца пришло бы в голову иначе посмотреть на ситуацию, если предпосылки дела обстоят иначе? Никто, кроме самого Сяююаня и Сюй Ю так и не узнали правды о той самой затуманенной алкоголем, ночи.

На следующий день император проснулся с легкой головной болью и давлением на груди. Причиной последнего стал сопящий Сюй Ю. Развалившийся на большой кровати, он забросил ногу на грудь монарха. Так что было бы странно, если бы император не почувствовал дискомфорта при сих обстоятельствах.

Сяююань усмехнулся и снял с груди чужую ногу, после чего аккуратно поднялся со смятой постели. Кажется, он все равно оказался слишком шумным и Сюй Ю начал ворочаться, забавно хрюкнул и открыл глаза. Так же как и старший, не видя ничего дурного в произошедшем, парень потер веки и взглянул на собутыльника:

— Уже проснулся?

Сяюань прогудел слова согласия, после чего с неудовольствием посмотрел на сменяемую со вчерашнего дня одежду и поразился вевшемуся в кожу и волосы запаху крепкого алкоголя.

— Да, и я собираюсь принять ванну.

Все еще не выбравшийся из царства снов парнишка кивнул:

— Ты иди, а я хочу еще немного поспать.

— Хорошо, можешь поспать еще немного.

Сяюань вышел к купальням, а когда вернулся, смутян еще спал. Горячая вода помогла смыть усталость и запах перебродившего алкоголя. В общем и целом, правитель стал чувствовать себя куда лучше и, собираясь отправиться на утреннее заседание, принялся одеваться. Но едва успел затянуть пояс на нижних одеждах, как проснулся затейник вчерашней пьянки. На этот раз окончательно, потому как взгляд Сюй Ю стал осознанным.

— Как он меня воняет... — скривил губы парень.

— В самом деле? — рассмеялся император.

— Старший, где я могу принять ванну? — вскочил с кровати, недовольный собой прохвост.

— В следующей комнате есть купальни.

— Угу, я пошел, — не собираясь мириться с оскорбительным запахом собственного тела, парень почти побежал к воде.

Сяюань спокойно оделся, привел в порядок лицо и волосы, а когда собрался выйти из спальни, услышал оклик собутыльника:

— Старший, я совсем забыл, что у меня с собой нет сменной одежды. Не мог бы ты попросить кого-нибудь ее принести?

Недолго думая, монарх открыл дверь и, встретившись взглядом с заместителем главного евнуха, махнул рукой:

— Сянъян, сходи во дворец Юйшан и принеси сменную одежду господина Сюй.

— Конечно, Ваше Величество, слуга сейчас же все сделает, — поклонившись, евнух сорвался с места. Конечно же, не он один дежурил у покоев Его Величества. Готовая откликнуться на любую просьбу толпа различных слуг ни на минуту не покидала монарха. И, конечно же, все они вчера видели, как Лун Сяюань и Сюй Ю вместе вошли в спальню и не выходили до самого утра. Боящиеся навлечь на себя гнев правителя, никто из прислуги не вошел в покои, предполагая, что там творятся вещи непредназначенные для их глаз. В конце концов, они еще хотят жить...

Конечно, некоторые еще гадали, почему молодые люди решили разделить ложе. Думали, что все это, может быть, простым недоразумением, но ровно до приказа принести свежую одежду. Зачем господину Сюй свежая одежда? Очевидно, что прошлая испорчена.

К сожалению, Лун Сяюань не обратил внимания на взгляды лакеев. Никто из них не посмел сказать что-либо порочащее императора. Никто не посмел обсуждать его действия или на что-то намекать. Ведь никто не хотел быть забитым грязной тряпкой.

Даже ближний круг... Да и о чем? Ведь сам Его Величество не видит ничего странного в своем поведении, значит, и им не стоит поднимать тривиальную тему.

Вот так, сами того не ведая, Лун Сяюань и Сюй Ю стали любовниками в глазах жителей дворца.

Пять дней спустя Ши Цинчжоу получил новое секретное донесение из столицы, в котором черным по белому говорилось: «Его Величество одарил милостью господина Сюй».

Императрица с несколько раз перечитала послание от Ин Цю, после чего одним взглядом обратила несчастную бумагу в пепел. До сего момента Цинчжоу еще думал о случайности, недоразумении, что сложилось из грязных слухов. Верил, что предательство Сяюаня неправда. И сейчас сам над собой издевался за наивность. Не над другими, не над императором, а только над собой, что осмелился поверить красивым словам о любви.

Теперь-то ясно, что император просто играл. И легкая симпатия быстро нашла новый объект, стоило старому скрыться за горизонт. Все эти обещания, все красивые жесты оказались не более чем фикцией. Пустотой, в которую отважный воин больше никогда не поверит. Как жаль, что Цинчжоу все еще искал объяснения. Раньше искал, хотел доказательств предательства. Тешил себя надеждой. Как глупо...

Еще никогда прежде Цинчжоу не чувствовал себя настолько жалким. Никогда раньше не чувствовал, как в районе сердца образовывается пустота. Такая черная, всепоглощающая и болезненная. Настоящая дыра, что под влиянием сильных эмоций медленно заполнялась жаждой крови, откровенной враждебностью.

Цинчжоу чувствовал, что если ничего с ней не сделает, если не даст эмоциям выход, то в скором времени просто не сможет с ними совладать. И тогда, кто знает, во что это выльется. Возможно, Цинчжоу захочет убить...

Нет, нельзя. Семья Ши верой и правдой служит династии вот уже множество поколений. Нельзя допустить, чтобы наследие клана было разрушено руками обиженного любовника. Цинчжоу просто не сумеет взять на себя тяжкий грех. Не позволит себе опорочить семью. Не позволит?..

Раненный в самое сердце воин, покачиваясь, вышел из палатки. Блуждающий взгляд остановился на отражающихся от холодной речной воды огоньках факелов, а в голове все еще звучали вкрадчивые ласковые слова: «Два человека: одна пара — одна жизнь...». Сколько же времени прошло с тех пор? Как быстро Лун Сяюань отказался от своих слов? Как быстро его сердце сменило владельца? И все потому что Цинчжоу ушел на войну? Отправился на поле боя... это такая шутка?

«Ха, Лун Сяюань, если уж я тебе так не нравлюсь, то зачем все это? Не ожидал от тебя! Почему ты просто не продолжил относиться ко мне как раньше? Зачем затеял все это?»

«Ну и был бы я твоей номинальной императрицей. Думаешь, я не привык к твоим оскорблениям или равнодушию? Я спокойно с этим справлялся! Но ты! Ты пришел ко мне, нарушил мой покой! Мою жизнь! Ты заставил меня...»

Побелевшие губы Цинчжоу сузились до размеров нитки, а сердце бешено стучало от гнева. Императрица еще никогда не считала себя настолько слабой. Не думала, что когда-нибудь в самом деле задумается об убийстве монарха.

Несчастливого мотало от одной крайности к другой.

Нет. Он не может пойти на убийство. Он член семьи Ши! Если Цинчжоу совершит расправу над императором по причине нелепой сентиментальной обиды, отец первым поднимет меч во имя справедливости. Дело здесь не столько в отношении Его Величества, сколько в положении семьи Ши.

Все-таки это не выход!

Раз Цинчжоу не мог поставить под удар репутацию семью и совершить самосуд над императором, что так величествен, могуществен, но не в состоянии сдержать слова, остается только одно. Выплеснуть злость на кого-нибудь еще.

И вот на поле битвы!

Через три дня после тайного донесения с северной границы в столицу начали все чаще приходить извещения о победах. Армия под руководством Ши Цинчжоу и его не менее прославленного отца пошла в наступление, быстро завоевав и очистив три вражеских города. Войско противников отступило на пятьдесят ли от места изначального лагеря и пока не может перегруппироваться.

Известия о том, что императрица лично возглавила армию, взбудоражили чиновников на утреннем заседании. Часть из них осмелилась высказаться с недовольством. Но в большинстве своем, министры из группы поддержки Ши Циншаня, сумели сгладить конфликт, в один голос прося Его Величество учесть заслуги молодого воина. Как бы там ни было, а слава о непобедимой императрице быстро разнеслась по стране и пробралась за ее пределы.

Просматривая очередной отчет о ходе военной кампании и о реакции народа, сам Сяюань испытывал несказанную гордость. Все говорили о подвигах Ши Цинчжоу! Его императрица воистину прекрасна! Конечно, о многих достоинствах Цинчжоу император прочел в книге: знал, насколько сильной личностью был главный герой. Но даже в самых смелых фантазиях не предполагал, насколько велика его сила. То, что Ши Цинчжоу демонстрирует на поле боя настоящий военный талант.

Его возлюбленный воистину силен! На поле боя...

Не это ли называют «золотым пальцем» главного героя?

Тяжело вздохнув, Лун Сяюань понял, что ему все больше не хватает супруга. Ни весточки, ни слова. Они будто поссорились. Холодная война утомила монарха. Решив взять дело в свои руки, он достал бумагу и конверт:

«Цинчжоу, я очень рад видеть донесения с фронта, рад хорошим новостям. Мой Цинчжоу самый сильный. Но мне в самом деле одиноко без тебя. Я скучаю по дням, когда ты был рядом, поэтому с нетерпением жду твоего триумфального возвращения. Жду, когда смогу вновь заключить тебя в объятия».

Выплеснув скопившуюся тоску и надежды на бумагу, монарх немного успокоился, после чего зашифровал письмо и с тайным гонцом поспешил отправить адресату. Почтальоном выступил один из доверенных теневых стражей. Жаль, но в пути ему немного не повезло...

Нет, он не встретил бандитов, не заболел, с ним не случилось ничего страшного. Подвела лошадь...

Взяв из конюшни хорошего, крепкого, выносливого коня, страж собрался как можно скорее доставить послание. Однако на третий день путешествия что-то пошло не так. Перепрыгивая большую лужу, животное сильно подпрыгнуло и вдруг с грохотом упало. Несчастье произошло так внезапно, что страж свалился в воду вместе с лошадью. С одеждой почтальона промокло и письмо.

Страж вынул из-за пазухи конверт, что потемнел от влаги, и аккуратно тот вскрыл. Самый обычный пергамент внутри превратился в кашу, на которой, конечно же, не разобрать ни единого слова! А ведь его написал сам император! Отправлять послание на границу теперь не имело никакого смысла...

Понурый теневой страж развернулся и отправился во дворец, уверенный, что повинная приведет к неминуемой казни. Прежде никто с таким промахом не оставался без самого сурового в империи наказания. Однако, к удивлению провинившегося, император не стал гневаться. Велел наказать, но не казнить!

Когда страж вышел из кабинета, плечи Лун Сяююаня опустились, а губы тронула горькая улыбка. Пальцы подрагивали, аккуратно удерживая остатки послания: «Неужели это судьба? Я пошел на уступки, склонил голову и написал первым... Но из-за нелепой случайности оно так и не дошло до тебя. Цинчжоу, неужели на то есть воля богов?».

В тот день, берясь за перо, Лун Сяююань вложил в слова всю свою искренность и чаяния, но горечь тоски вернулась новым грузом вместе с промокшей бумажкой, принеся с собой ощущение беспомощности.

Отложив письмо, мужчина тяжело вздохнул: «Впереди нашу страну ждет большая победа. Если все пройдет по плану, уже в январе я смогу вновь тебя увидеть. Еще месяц... Я буду ждать тебя и дольше. Но неужели за это время ты так и не решишься мне написать?».

Лун Сяююань более не желал идти на компромисс сам с собой. Почему Ши Цинчжоу так ничего ему и не написал? Почему не сказал, что скучает? Им пришлось разлучиться и что же теперь? Неужели на самом деле императрица к нему равнодушна?

«Кто я в твоём сердце, Цинчжоу? Нет, я понимаю, что на поле битвы нужно быть сосредоточенным, в бою, ради собственной жизни, нельзя отвлекаться. И все же, что же насчет меня? Какое место я занимаю в твоём сердце?..» — кулак императора сжался до белизны в костяшках. Уныние взяло верх над мужчиной. Ощущение пустоты и обиды пробило грудь, заставив монарха отказаться от идеи взяться за перо и написать новое послание.

В то же время на пограничных землях Ши Цинчжоу дал волю кровавой жатве и повел войска в наступление. С виду он стал куда спокойнее, рассудительнее и куда страшнее, нежели прежде...

Все генералы армии наслышаны о суровом нраве императрицы, а теперь смогли убедиться в этом лично. Ши Цинчжоу оказался серьезным, дальновидным руководителем. Кроме того, люди выяснили, что императрица не терпит ошибок. Любой провинившийся член войска подвергался суровому наказанию. Также воины заметили, что императрица никогда не улыбается. Будь то очередная победа, уничтожение врагов или взятие нового города — на лице Ее Светлости не было ни намека на усмешку или удовольствие.

Таким образом, среди подчиненных Ши Цинчжоу быстро приобрел славу грозного существа, которого, если дорога жизнь, стоит бояться.

Императрица больше не получала тайных извещений от Ин Цю, да и не ждала те вовсе. После роковой новости Цинчжоу, казалось, абстрагировался от всего и вся. Каждый его день наполнился действием. Он просыпался с мыслями об убийстве врага и засыпал с ними же. Так его сердцу и душе было спокойнее.

По крайней мере, так оно казалось со стороны. Так хотел думать сам Цинчжоу, но вся собранность терялась ночью, в момент, когда ему не нужно было хвататься за меч. Парень не мог уснуть, так и смотрел в одну точку, прокручивая в голове одни и те же болезненные мысли. Он не хотел думать о Сяюане, но раз за разом освежал в памяти счастливые моменты их недолгого романа. Обиды на мгновение забывались и тут же воскресали при словах Ин Цю о том, что император одарил милостью некоего господина Суй.

Эта новость, словно на повторе, застряла в голове Цинчжоу, мучая, не давая уснуть. Несчастному приходилось массировать акупунктурные точки, чтобы заставить себя провалиться в сон.

Иногда Цинчжоу не мог не задумываться, а какое место он занимает в сердце императора? Почему его супруг так быстро отказался от своих слов? Почему предал его и свое обещание? Неужели чувства к нему были настолько незначительными?

Гоня неоднозначные воспоминания на повторе, Цинчжоу с ужасом обнаружил, что желание убивать только нарастало. Все верно, императрица всерьез задумалась о самосуде над правителем...

<http://bllate.org/book/14215/1253508>